

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ ПРИЗНАКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК СИБИРИ И ДАЛЬНОГО ВОСТОКА)

Краюшкина Татьяна ВЛАДИМИРОВНА ¹

Dr. Tatiana KRAYUSHKINA

РЕЗЮМЕ

В статье рассмотрены признаки межличностных отношений персонажей русских народных волшебных сказок. В качестве материала исследования выбраны тексты, зафиксированные в XX в. на территории Сибири и Дальнего Востока. В статье поднимается проблема существования межличностных отношений персонажей. Выделяются четыре основных признака межличностных отношений: количественный и качественный состав участников, тип взаимодействия персонажей, предмет взаимодействия и модели взаимодействия. Автор показывает, что межличностные отношения персонажей, являясь значимой составляющей волшебной сказки, отражают народные представления о моделях поведения мужчин и женщин разнообразных социальных статусов и возрастных групп в тех или иных жизненных ситуациях.

Ключевые Слова: русская волшебная сказка, межличностные отношения.

¹ Dr., Senior Fellow, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far East, д. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, kvtpb@yandex.ru

INTERPERSONAL RELATIONS AND THEIR ATTRIBUTES (BASED ON RUSSIAN FOLK FAIRY TALES OF SIBERIA AND THE FAR EAST)

ABSTRACT

The article describes the features of interpersonal character of Russian folk fairy tales. The material of the study selected texts inscribed in the XX century in Siberia and the Far East. The article raises the problem of the existence of interpersonal character. There are four main features of interpersonal relations: the number and quality of participants, type of interaction between the characters, the subject of communication and interaction model. The author shows that interpersonal character, being a significant component of a fairy tale, reflect people's understanding of behaviors of men and women of different social status and age groups in different situations.

Keywords: Russian fairy tale, interpersonal relations

Устное народное творчество — сложное и многогранное явление. Существовая многие столетия, оно стало специфической сокровищницей народных представлений практически обо всех реалиях жизни и о разнообразных формах верований. Каждому народу присущ собственный набор фольклорных жанров, который зависит от многих факторов. Пожалуй, всем народам известен жанр сказки. Не стал исключением и русский фольклор, в котором ведущее положение среди прозаических жанров по праву занимает волшебная сказка. Именно ее можно в полной мере считать энциклопедией народных знаний о человеке. Межличностные отношения — одна из важных составляющих этих знаний. В качестве материала исследования были выбраны тексты русских народных волшебных сказок, зафиксированных на территории Сибири и Дальнего Востока в XX в., использовались как опубликованные, так еще и не изданные источники.

В настоящее время вопрос о межличностных отношениях персонажей российскими сказковедами не решен. Необходимо восполнить существующий пробел. Межличностными отношениями в русской народной волшебной сказке мы считаем совокупность взаимодействий между персонажами. Цель данной статьи — выявить признаки межличностных отношений персонажей.

Один из признаков — состав участников, который можно подразделить на количественный и качественный. Количественный состав участников определяется следующим образом: какое количество персонажей одновременно вступают в те или иные виды взаимоотношений. Безусловным лидером в русских народных волшебных сказках являются межличностные отношения между парой персонажей. Хотя встречаются и другие типы: персонаж — пара персонажей (причем пара может состоять только из мужчин, только из женщин или же быть смешанной); одна пара персонажей — другая пара персонажей; персонаж и группа персонажей (т.е. три персонажа или более); одна группа персонажей и другая группа персонажей. Любопытно, что пара или группа персонажей выступает единым целым, действует подобно одному лицу. Например, даже речь группы персонажей изображается как речь какого-то конкретного лица. Именно так — единым целым — воспринимает группу и ее оппонент. Илья Муромец просит жителей Чернигова указать ему прямую дорогу к Киеву: *«Заохали черниговцы:*

— Что же, Илья Иванович, кругом, правда, целая тысяча, а прямой дорогой через Брянские леса, — только триста верст. Но там сидит Соловей-разбойник. <...>. Кто не попадет, всех убивает.

Засмеялся Илья Муромец:

— *Зачем же мне лишние семьсот верст ехать, когда можно прямой дорогой?»* [Мельников, 1983: 41] (**650С*** *Илья Муромец*).

Качественный состав участников межличностных отношений можно обозначить следующим образом: как классифицируются в сказке персонажи, вступающие в межличностные отношения. Русская народная волшебная сказка — жанр, отстаивающий ценность семьи и семейных отношений, именно поэтому в ней преобладают персонажи, состоящие в родстве или в свойстве. Через родственные или свойственные отношения персонажи в большинстве случаев и определяются. На первом месте, безусловно, находятся межличностные отношения персонажей, стремящихся стать семейной парой или уже являющихся таковой: это жених и невеста, муж и жена, создавшие первую семью, супруг и супруга, вступившие во второй брак. Отнести к этой группе можно еще один тип пары — любовника и любовницу. Обращает на себя внимание вот что: как правило, в любовные отношения вступает девушка или замужняя женщина, для женатого мужчины отношения на стороне не характерны. Если же женатый персонаж все-таки заводит любовницу, то она становится его второй супругой после смерти первой жены или ее превращения в животное ([Зиновьев 1983: 97] (**511** *Чудесная корова* и **510А** *Золушка*)).

В волшебной сказке представлены отношения между родителями и детьми, как родными, так и приемными, а также между сиблингами, преимущественно, родными, хотя говорится и о сводных, и о двоюродных (крайне редко, о троюродных) братьях и сестрах. Взаимоотношения единокровных или одноутробных сиблингов для русской народной волшебной сказки не характерны. Представлены в сказке взаимоотношения между названными братьями и сестрами (побратимами и посестримами). Нельзя обойти вниманием и второстепенные отношения, хотя они и не занимают в сказке ведущего положения. К ним относятся родственные отношения (бабушка / дедушка и внук / внучка); коллатеральные отношения (тетка / дядя и племянник / племянница); крестовое родство (крестный отец / крестная мать и крестный сын / крестная дочь). Второстепенные свойственные отношения центральной фигурой имеют зятя или невестку, вокруг которых группируются родственники жены или, соответственно, родственники мужа. Все вышеперечисленные роли в семейных отношениях содержат информацию о половой принадлежности персонажа; о наличии или об отсутствии у него супруги / супруга, детей и других родственников или свойственников, через которых обозначенный персонаж определяется; о принадлежности к конкретной возрастной группе.

Но не все персонажи русских народных волшебных сказок состоят в родственных или в свойственных отношениях друг с другом. В таком случае уместной будет классификация персонажей по трем основным признакам: 1) по половой идентификации; 2) по принадлежности к той или иной возрастной группе (дети, молодые (т.е. еще не состоящие в законном браке), взрослые (т.е. вступившие в законный брак), старики); 3) по наличию социального статуса (крестьянин /крестьянка, богатырь / поляница, купец / купчиха, царевич / царевна, царь / царица, слуга / служанка, генерал, граф и пр.). Важным критерием при анализе межличностных отношений будет совпадение или несовпадение трех обозначенных признаков у персонажей (они принадлежат к одному и тому же полу или к разным полам; они являются представителями одной или разных возрастных групп; им присущи идентичные или не являющиеся таковыми социальные статусы). Этим будет объясняться выбор модели поведения персонажей во время коммуникации.

Вторым признаком межличностных отношений является тип взаимодействия персонажей: коммуникация осуществляется непосредственно или опосредованно. Преобладает в русских народных волшебных сказках коммуникация, происходящая непосредственно между персонажами: персонажи встречаются лично и вступают в ту или иную форму межличностных отношений. Это взаимодействие может быть нейтральным или эмоционально окрашенным. Чаще используется второй тип взаимодействия, поскольку он более значим для развития сюжета. Служанка, забеременев от съеденной рыбки, уходит в лес и рождает там трех чудесных сыновей. Через некоторое время их в лесу находит царь. Встреча царя и его служанки описывается следующим образом: *«Мать [служанка] <...> пала к ногам его:*

— *Простите, ваша императорска величества, провинилась перед вами.*

— *Я прощаю, — говорит царь, — все собирайтесь, поедем ко мне жить, хочу вас убрать, чтобы не скитались, не пропадали такие люди»* [Матвеева, Леонова, 1993: 57] (**301 А, В Три подземных царства**, **300А Бой на калиновом мосту** и **302₁ Смерть Кащей в яйце**).

Важной характеристикой эмоционально окрашенных актов межличностных отношений служат разнообразные речевые средства и жестикация. Речевые средства выражения эмоций (обращения и наименования) в сказках положительно или отрицательно окрашены. Обращения указывают на реально или якобы существующие родственные

отношения (*батюшка, сынок, милый муж* и пр.), на ценность оппонента для говорящего (*любезная, дорогой, милый* и пр.), на принадлежность к человеческому роду (*милый человек*), выражаются в уменьшительно-ласкательной форме имени (*Ванюшка, Федюшка, Настенька*), сообщают половозрастные характеристики персонажа, социальный статус, местожителство (*добрый молодец, мужички-черниговцы*). Любопытно, что отрицательные обращения в русских народных волшебных сказках встречаются реже положительных. Отрицательно окрашенные обращения носят негативную оценку интеллекта (*дурак, глупый*) или моральных качеств адресата (*негодяйка, подлец*), обозначают принадлежность к старшей возрастной группе (*старуха*), отказывают в наличии зрелости взрослому персонажу (*чадо несмышленное*). Оскорблением считается и причисление человека к разнообразным представителям фауны (*старый пес, змея проклятая*).

Иначе выглядит картина с наименованиями. В отличие от обращений, отрицательные наименования превалируют над положительными. Видимо, в этом проявляется одна из черт русского менталитета: в глаза чаще человека оценивают положительно, а за спиной — отрицательно. Отрицательные наименования указывают на разнообразные несоответствия норме: недостаток интеллектуальных способностей (*дурак, невежа, болван*), ненормальный внешний вид (*сопля, сопляк*), ненормальное поведение и пр. нарушения (*такой-сякой, проклятый, мерзавец, дикий, лентяи, изменник*). Положительные наименования делают акцент на принадлежности к позитивно оцениваемой возрастной группе (*молодец*), на наличии интеллектуальных способностей (*умница, хитрая*), на наличии между персонажами родственных или свойственных отношений, причем используются уменьшительно-ласкательные формы (*папочка, невестушка*).

Жестикуляция в русской народной волшебной сказке употребляется сравнительно нечасто, что служит своего рода показателем повышенной эмоциональной окрашенности осуществляемого акта коммуникации. Персонажи, как правило, прибегают к коммуникативным жестам, а именно к этикетным и к общекоммуникативным. Довольно часто персонажи падают в ноги. Этот жест сопутствует просьбе выполнить нечто очень важное для просящего (освободить отца из плена, привлечь внимание царя и добиться того, чтобы он лично посмотрел на героя), этот жест сопровождает и просьбу о прощении. Например, два царских зятя, присвоившие себе чужие подвиги, когда выявился их обман, «*сразу в ноги ему [настоящему освободителю] пали, стали прощение просить*» [Матвеева 1981: 291] (**532** *Незнайка* и **314** *Чудесное*

бегство с помощью коня). Кроме жеста *падать в ноги* в сказках используются и другие жесты, принижающие использующего их персонажа в глазах оппонента. Персонажи встают на колени, кланяются. К этикетным жестам относятся объятия и поцелуи, причем первые употребляются чаще вторых. Персонажи обнимаются и целуются при встрече или при расставании. Обниматься и целоваться могут, как правило, персонажи, давно не видевшие друг друга. Важно, что они состоят в родственных (мать и сын, брат и сестра, братья) или в свойственных (муж и жена) отношениях.

Другую группу составляют общекоммуникативные жесты. Правда, используются они в русских народных волшебных сказках крайне редко. Так, персонаж, испытывая чувство стыда перед другим, *не поднимает глаз, топает ногами*, если ему что-то не нравится, *опускает голову ниже плеч могучих*, если думает, что не в состоянии справиться с возникшей бедой. Именно этот жест является традиционным в следующей ситуации: герой получает невыполнимую задачу от антагониста и уходит, опустив голову. Его жест видит помощница и понимает, что случилась беда, начинает спрашивать и предлагает правильное решение проблемы (**313А, В, С Чудесное бегство**).

В русских народных волшебных сказках представлено разнообразие типов взаимодействий персонажей, осуществляющихся опосредованно. Как правило, средства эмоциональной выразительности не имеют такого большого значения, которое им свойственно в случае непосредственного взаимодействия персонажей. Для опосредованного взаимодействия важным фактором становится передача информации. Передача информации может осуществляться через третье лицо. Герой, изгнанный отцом из дому, братается с орлом и отправляется с ним в гости к его сестрам. Орел посылает своего побратима к дому сестры просить милостыню, а сам прячется. Герой просит милостыню ради орла-царевича. *«А у окошка стояла горнишина, белье гладила. Ну, и со всех ног бросилась к барыне: «Что такое по новой форме милостыню просят?» Барыня это дело догадалас, пашла сама к окну, рассказал он ей все про дело <...>»* [Азадовский 2006: 62] (**302₁ Смерть Кащея в яйце** и **222В* Мышь и воробей**). Служанка, сама того не подозревая, передает барыне очень важную для нее информацию: где-то неподалеку находится любимый брат. Обращает на себя внимание следующее: служанка только приносит сестре орла информацию. Источником достоверной информации она считает стоящую выше нее по социальному статусу барыню. Налицо односторонняя коммуникация: служанка так и не получает ответа на интересующий ее вопрос.

В русской сказке встречается и функция посредника, который знает о своей роли и проявляет инициативу в получении информации. Таким посредником часто выступает женский персонаж: похищенная женщина прячет от антагониста пришедшего героя, а сама задает Змею вопросы, ответы на которые необходимо узнать юноше. Женщина обманывает Змея, говоря о якобы приснившемся ей сне: *«Видела я тут сон: дуб стоит. Спрашиват он у меня: «Долго ли мне ишо тут стоять?» — А Змей Горюнуч и отвечает:*

— Дуб-то тот до той поры стоять будет, пока человек к нему не подойдет и не толкнет его рукой» [Зиновьев 1983: 227-228] (**461** *Марко Богатый*). Если герой спрятан где-то в доме, то он сам слышит ответы Змея, если же женщина превращает его в какой-либо предмет, например, в булавку, таким образом пытаясь защитить от антагониста, то юноша лишен возможности воспринимать информацию, и тогда женщина сама пересказывает герою слова Змея.

Иногда инициатива в получении информации исходит от персонажа, которому она необходима, но сам он оказывается не в состоянии узнать ее. Кит, проглотивший двенадцать кораблей, просит героя, направляющегося к Змею, спросить у антагониста, *«долго ли мне ишо лежать тут?»* [Зиновьев 1983: 227] (**461** *Марко Богатый*).

Еще один тип взаимодействия, который можно обозначить как опосредованный, выглядит так: персонажи рассказывают женам о задаче царя, при этом присутствует герой и все слышит. Ценной информация оказывается именно для Ивана: он отправляется выполнять задачу и после третьей — удавшейся — попытки становится царским зятем (**530** *Сивко-Бурко*).

В волшебной сказке одновременно используется устная и письменная передача информации. Любопытно, что логикой сказки достоверными при этом признаются именно письменно зафиксированные сведения. Так, антагонист, желая уничтожить героя, хочет ввести его в заблуждение. Но монах, вырастивший героя, просит у антагониста расписку: *«<...> что ты его забираешь, и что ты ему обещаешь»* [Свиридова 1986: 46] (**461** *Марко Богатый*). Марко пишет расписку на иностранном языке, который никто не в состоянии прочитать, а парню на словах говорит ехать к нему домой и венчаться с его дочерью. В записке, которую он передает с героем для жены, Марко велит на иностранном языке бросить героя в загон к быкам, чтобы таким образом уничтожить его. В русской народной волшебной сказке одобряется подлог документа, если его цель — спасение жизни героя. Иногда записку переписывает сам герой, которому слуга дал ее прочитать, иногда —

помощник, причем подлог производится чудесным образом: *«Идет он [герой] через лес, а ему старики навстречу:*

— *Куды ты идешь?*

— *К Марковой жене письмо нес.*

— *Дай мне почитать. — Прочитал и дунул на него:*

— *Теперь носи»* [Зиновьев 1983: 226]. Подделанное письмо содержит приказ Марко Богатого, адресованный к жене, отдать единственную дочь Настеньку замуж за этого паренька. Если же документы поддельвают антагонисты, то тогда это действие сказкой осуждается. Такой мотив как сравнение почерков в проанализированных нами текстах Сибири и Дальнего Востока не выявлен.

В сказке говорится об информации, воспринимаемой опосредованно, когда адресат не видит адресанта (тот специально находится вне поля зрения оппонента, чтобы ввести его в заблуждение). Антагонистка хочет похитить мальчика. Она прячется на берегу, старается выманить его с озера грубым голосом. Но герой обнаруживает разницу в голосах и отвечает: *«Нет, у моей мамки тонкий голос. Это <...> ведьма зовет, хочет меня свести»* [Свиридова 1989: 21] (**327С**, **F** *Мальчик с пальчик у ведьмы*). Антагонистка просит кузнеца сковать ей язычок или новое горло, чтобы голос стал тонким. Герой теперь оказывается не в состоянии отличить голос матери от голоса ведьмы, и та похищает ребенка. Но и положительный персонаж может использовать такого рода способ введения в заблуждение. Герой носит на чердак головы убитого им змея и бросает их там. Товарищ интересуется у богатыря причиной шума. Герой обманывает своего товарища: *«— <...> лычки запасаю на зиму. Буду зимой <...> лапти плести»* [Рукописный фонд 1979: 2] (**301D*** *Солдат находит исчезающую царевну*).

Весьма значимы для опосредованного взаимодействия предметы материальной культуры. Например, камни и столбы, находящиеся у развилки дорог. Они информируют персонажа о том, что именно ждет его на каждой из дорог: смерть самого героя, смерть его коня или же встреча с красными девушками: *«Кто поедет вправо — останется без коня, кто поедет влево — будет сыт, пьян и нос в табаке»* [Зиновьев 1983: 88] (**550** *Царевич и серый волк* и **400₁** *Муж ищет исчезающую или похищенную жену*). Следует обратить внимание вот на что: камень или столб с надписью — средство многократной коммуникации. Однажды зафиксированная информация становится доступной

многим персонажам, находящимся в конкретном локусе, при этом время существования информации логикой волшебной сказки не ограничивается, как не ограничивается и доступ персонажей к этой информации. Как правило, за рамками сюжета оказывается персонаж, оставивший надпись на камне или на столбе: важно не то, кто он такой, а то, какую информацию, полезную для героя, он зафиксировал.

В волшебной сказке упоминаются и письменные источники, имеющие автора. К ним относятся приказы царя (в них глава государства (реже — его дочь) извещает подданных о задаче, выполнив которую можно стать царским зятем). *«Пишет царь афиши по всем городам и по весям, деревням: «Кто вскочит на коне на третий этаж, за того отдам в супружество свою младшую дочь»»* [Матвеева 1984: 11] (**530** *Сивко-Бурко* и **530А** *Свинка золотая щетинка*). Издание приказов в текстах приписывается только одному типу персонажей — царю. Другим персонажам, даже и высокого социального статуса (боярам, царевичам, купцам), не свойственен подобный способ взаимодействия.

В русских народных волшебных сказках используются и не совсем обычные для реальности средства опосредованного взаимодействия: надпись на свадебной выпечке, разорванный на две части и запеченный в свадебный пирог портрет, письмо, спрятанное в пироге. Подобными способами герой извещает свою невесту о том, что он находится недалеко от нее. Важным является адресат: информация предназначается конкретному персонажу — невесте (а не всем, находящимся в локусе, как это было в выше рассмотренном мотиве), именно поэтому информация локализуется в предмете, доступ к которому есть только у конкретного персонажа. Фигурирует в сказке и представление как одно из средств информирования. Так, в помещение, где вот-вот будет играть свадьба, влетают голубок и голубка и начинают рассказывать о ситуации, в которой были герой и его настоящая невеста. Эту информацию слышат все персонажи, находящиеся в помещении, но понимает ее только жених.

Третий признак межличностных отношений сводится к тому, что является предметом (или темой) взаимодействия. Спектр взаимодействия весьма широк и находится в прямой зависимости от сюжета сказки. Но по сути он укладывается всего в два действия: один персонаж что-то отдает другому (или старается это сделать) или берет у него (или пытается взять). Предметом, на который направлено действие, может быть что угодно: информационная помощь, подарок, награда, передача имущества, жизнь, совместная молитва, угощение и пр., и пр. Например, корабельщики приносят царю новую

информацию, которая очень интересует его. *«Как корабли домой пришли, и справишат первым делом царь: «Ну как, всё ли благополучно?» — «Все благополучно. И новаго много»»* [Азадовский 2006: 70] (707 Чудесные дети). После этого корабельщики рассказывают о царю герое, застроившем прежде бывшее пустынным место, передают от него подарок, который определяется ими как весьма ценный: *«<...> вот вам подарок. Дорогая шкура»* [Азадовский 2006: 71] (707 Чудесные дети).

Четвертый признак межличностных отношений — модели взаимодействия. Важно следующее: от кого исходит инициатива. Если инициатором является субъект, добровольно отдающий тот или иной объект (информацию, вещь и пр.), то взаимодействие персонажей, как правило, не сопровождается дополнительными действиями. Получение необходимого, если инициатором является тот персонаж, который хочет завладеть неким объектом (в широком смысле слова) в русских народных волшебных сказках представлено несколькими моделями. По сути, это модели манипулирования. Использование персонажами тех или иных моделей манипулирования зависит от их половой принадлежности, от социального статуса и от отнесенности к конкретной возрастной группе.

Русская народная волшебная сказка сохранила отголоски языческой морали, которые проявляются и в способах манипулирования. Один из таких способов — обман. Любопытно, что логика сказки двойко оценивает этот способ манипуляции. Если его используют положительные персонажи, в том числе и герой, то сказка одобряет это действие. Если же вводят в заблуждение отрицательные персонажи положительных персонажей, то в этом случае обман осуждается: сказка выступает на стороне обманутого.

Чудесный сын вводит в заблуждение двух мальчиков, завладевая их чудесными предметами, которые те не могут поровну поделить между собой: *«Вот я стрелю из лука, и кто первый из вас со стрелкой прибежит — там две вешии»* [Азадовский 2006: 70] (707 Чудесные дети). Доверие первому встречному (и существование таких типов среди окружающих) — видимо, одна из черт русского мировоззрения, эта особенность приписывается и двум мальчикам: они безоговорочно верят герою и бегут за стрелой. В это время герой садится на ковер и улетает, прихватив с собой и другие чудесные вещи.

Женщина, похищенная Кощеем Бессмертным, по просьбе ее сына или мужа пытается узнать, где находится смерть антагониста. Для этого она прибегает к различным манипуляциям. Она вдруг вообще перестает разговаривать с ним или, напротив, если раньше не проявляла к нему никакого

интереса, резко начинает демонстрировать свою любовь к Кошею. Цель достигнута: Кощей или начинает интересоваться причиной внезапной смены отношения к нему (если она отказывается с ним общаться) или весьма рад вдруг появившейся любви. Как и всякий мужчина, Кощей оказывается не в состоянии переносить женские слезы. И этот способ манипуляции также использует женщина: она начинает плакать и приговаривать, что Кощей ей никогда ничего не рассказывает. И в первом, и во втором, и в третьем случае женщина добивается своей цели: Кощей выдает ей тайну, где скрыта его смерть.

По отношению к женщине женские персонажи ведут себя иначе: они неотступно говорят о том, что им хочется получить. При этом ответная манипуляция — слезы и отказ горничной — на царевен не действует (видимо, сказывается разница в социальных статусах персонажей). Именно так добиваются своей цели царевны — упрашивают горничную отпустить их погулять в чудесный сад, в который царь запрещает дочерям ходить. *«Ну, пристали эти девушки к горничной. «Ну, сведи нас, хоть на минуточку», — и так пристали, што ни могла никак от них атперетца. Сердилас и плакала — ну не может никак. Ну, со слезами взяла ключ, пашла, павела их»* [Азадовский 2006: 94] (**301А, В Три подземных царства**).

Мужским персонажам, как положительным, так и отрицательным, свойственны другие способы манипуляции. Довольно часто используется угроза физического воздействия, в том числе убийством, или применение физического воздействия. Именно так — угрожая — пытается запугать богатыря перед боем Змей. В сказке на сюжет **301А, В Три подземных царства** говорится следующее: мнимый спаситель уплывает с царевной на корабле, принуждает девушку сказать царю, что это именно он нашел ее, угрожает смертью: *«Как ты меня не скажешь, что я тебя сыскал, утоплю в море»* [Азадовский 2006: 101-102]. Герой, обманутый женой, наказывает ее, переодеваясь в знахаря: он хитростью вынуждает супругу пойти с ним в баню и там избивает ее двенадцатью оловянными, двенадцатью медными и двенадцатью серебряными прутьями (**566 Роза**). После подобного способа воздействия жена становится послушной. Обращает на себя внимание, что подобного рода воздействия на представительниц женского пола, нарушивших что-либо, русской народной волшебной сказкой оцениваются положительно. Только так обиженный герой может добиться справедливости, восстановить нормальные отношения в семейной жизни. По сути, манипуляции, используемые в русских народных волшебных сказках, строятся следующим образом: слабый манипулирует сильным нефизическим воздействием,

например, демонстрируя свою слабость, порой мнимую, сильный же слабого запугивает применением физической расправы.

Проблема межличностных отношений — как одна из составляющих этнопсихологии в фольклоре — представляется весьма перспективной для изучения. Русская народная волшебная сказка, зафиксированная в Сибири и на Дальнем Востоке в XX в., — ценный материал исследования обозначенной проблемы. Данный жанр отражает как сохранившиеся с древних времен трафареты моделей поведения между представителями идентичных и не являющихся таковыми социальных статусов, возрастных групп, половой принадлежности, так и разнообразные трансформации типов межличностных отношений, применяемые в тех или иных сюжетных ситуациях. При анализе проблемы межличностных отношений необходимо учитывать специфику жанра сказки и многообразие сюжетных линий: они подчинены зачастую неусложненной форме народного мировосприятия, где есть четкое деление на добро и зло, отсутствие полутонов, редкая смена полюса принадлежности персонажа к группе положительных или к группе отрицательных персонажей.

Важным достоинством сказки как энциклопедии народной психологии можно считать четко классифицированное многообразие типов участников межличностных отношений. Безусловный лидер в актах межличностных отношений — герой (или героиня, если сказка женская). Именно к нему, подчиненные центристемительной силе межличностных отношений, направлены другие персонажи. Если герой оказывается за рамками того или иного акта коммуникации, то этот акт непременно будет иметь к герою отношение.

Русская народная волшебная сказка тяготеет к непосредственному взаимодействию персонажей, но при этом украшением сюжетной линии становится опосредованное взаимодействие. Предметом межличностных отношений является широкий спектр одушевленных или неодушевленных объектов, в том числе не имеющих физического воплощения, но при этом очень важных для получения искомого предмета (информация). Интересны и перспективны для развития сюжета модели межличностных отношений, построенных на конфликте сторон (агрессии, насилии, принуждении и пр.). Разрешает или помогает в разрешении возникшей конфликтной ситуации третье лицо. Сказка показывает вариативность путей (иногда и весьма отличных друг от друга) к достижению персонажами одной и той же цели при осуществлении коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- Азадовский М.К., Восточнославянские сказки. СПб.: Тропа Троянова, — 534 с. — (Полное собрание русских сказок. Довоенные собрания. — Т. 13), 2006.
- Рукописный фонд кафедры истории русской литературы ИРЯЛ ДВГУ. Фольклорные тексты. [Электронный ресурс]. П. 1. Т. 2. — 1 CD ROM. — Системные требования : IBM-совместимый PC; MS DOS 6.0 и Windows 95, 1979.
- Русские волшебные сказки Сибири / сост. Р.П. Матвеева. — Новосибирск: Наука, — 334 с., 1981.
- Русские народные сказки Сибири о чудесном коне / сост. Р.П. Матвеева. — Новосибирск: Наука, — 335 с., 1984.
- Русские сказки Забайкалья / сост. В.П. Зиновьев. — Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, — 352 с., 1983.
- Русские сказки Сибири и Дальнего Востока : волшебные и о животных / сост. Р.П. Матвеева, Т.Г. Леонова. — Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, — 352 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока), 1993.
- Сказки Васюганья (Методические рекомендации для студентов пединститута) / сост. М.Н. Мельников. — Новосибирск Издательство Пединститута, — 61 с., 1983.
- У ключика у гремучего: Дальневосточный фольклор / сост. Л. Свиридова. — Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, — 255 с., 1989.
- Фольклор Дальнеречья / сост. Л.М. Свиридова. — Владивосток: Издательство ДВГУ, — 288 с., 1986.